

же нашел какой-то способ, нашел ключик из золота. хотя, возни, конечно, было. и не надо говорить, что там по дереву, а здесь вот железо. это не важно, понимаешь?

но рабица молчала угрюмо.

и Степан Тарасович бросал рабицу в снег с полным намерением. топал ногой и уходил в сердцах.

и тогда начинали струиться какие-то звуки. вступали откуда-то арфы какие-то, тромбоны там, литавры там и прочие инструментари.

а Степан Тарасович не оглядывался, и уходил в сердцах.

и тогда скрипучий и ржавый голосок, отдающий железными нотками. начинал выводить:

*У Курского вокзала
стою я, молодой.
Подайте, Христа ради,
червонец золотой.*

*Вот господин какой-то,
а рядом никого.
Цепочка золотая
на брюхе у него.*

и Степан Тарасович ощупывал брюхо, а потом прыгал обратно, аки лев кудлатый, хватал рабицу и кричал, что хрен-то там, нету никакой цепочки и нечего тут выводить голоском затасканным. что повадились-расповадились тут. а нынче и порядки другие и все очень конкретно. не можешь приносить пользу, не можешь вписаться в рынок – так и не нужен ты никому. и это вот правильно. потому что прогресс идет вперед семимильными прыжками, перепрыгивая через упавших.

и рабица замолкала.

а Степан Тарасович хватал ее в сердцах. и тащил в дом.

Болото

Северюгин вышел вперед и хмуро посмотрел на болото.

– Лежишь, ядрена мышь. – сказал он хмуро.

болото лежало, развалиясь под Луной направо и налево. над ним кружили комары и коршуньи. кто-то выл.

– и что с того? – сказал Северюгин, и пнул болото.

– и что теперь?

он зашел в болото почти по пояс, но так, чтобы болотные сапоги не зачерпнули.

– затынешь? – сказал Северюгин. – не постесняешься? болото чавкнуло и потянуло сапог.

тогда Северюгин засуетился, вырывая ноги. и когда ему это удалось, он упал на берег и лежал некоторое время. а потом стянул болотные сапоги и зашвырнул их в болото.

– выкуси – говорил он – пусть ищут. пусть думают, что утоп. неблагоприятные козлы.

и сказав это, Северюгин пошел домой. но заплутал, поскольку тайга и гнус, и батарейка в телефоне сдохла. и некоторое время покружив, вышел он опять к болоту, где обнаружил спасателей, вытаскивающих баграми его болотные сапоги.

– спасаете? – умилился Северюгин

– еще один дятел утоп – сказали спасатели – чего их сюда тянет?

Северюгин надулся, и не нашелся чего ответить.

и пока никто не видел он пнул болото, убил пять комаров, одного слепня. и плакал.

Звездная выхухоль

когда на крыше появилась звездная выхухоль, была звездная ночь с черным небом и желтыми звездами.

он заметил выхухоль не сразу, а только когда задрал голову кверху и хмыкнул.

выхухоль – подумал он – просто так на крышу не полезет, только если припрет.

жизнь у него с некоторых пор не залаживалась, то налоговая наедет, то недород падет.

и поэтому звездная выхухоль была некоторой отдушиной, которой он боялся признаться даже, и смотрел исподтишка, особенно зажимая правый глаз.

когда он говорил ей, выхухоль, вот, мол, налоговая, вот, мол, приходит, недород, мол, падеж и все такое, то звездная выхухоль смеялась над ним, говорила, вот, мол, звезды, чего им налоговая, вот, мол, планеты, чего им недород или падеж, а потом хохотала.

он стихал на время, любил подкрадываться и смотреть, как звездная выхухоль обвивает серебристым хвостом дымовую трубу, и под не сильным ветром шевелятся ее серебряные усы.

когда же пришла однажды налоговая, он спросил их: видите ли вы выхухоль на крыше, обвивающую дымовую трубу серебристым хвостом?

однако, налоговая инспектор засмеялась, утирая салфеткой глаз.

тогда он пристыдил налоговую, а чтобы разяснилось все, вынес ружье и поводил стволом по разным направлениям, сопровождая звуками.

когда же все уехали, он понял, что времени мало и залез на крышу, под самое звездное небо.

вухоль была там. он уткнулся в ее серебристый хвост, вдохнул и посмотрел сквозь мех на звезды.

ему тогда показалось, что это и есть самое важное.

Мертвые шапки

Выпренский не любил зиму, так как люди начинали носить мертвые шапки.

Но он не был настолько оголтелый, чтобы предпринять что-то неразумное, наоборот, он сначала думал, что вот подойдет и скажет, чего, мол, вы носите мертвую шапку, а надо бы закопать ее, и он понимал, что его не поймут никак.

А люди разгуливали по снегу в мертвых шапках, и не догадывались о его мыслях.

Однажды по радио рассказывали про людей, которые нападают на других и срывают мертвые шапки. Выпренский заинтересовался.

Он думал, что это спасители, которые понимают, что мертвая шапка вредит человеку, ведь она сидит на голове и хотя и мертвая, но может несомненно влиять, излучать, или иным способом.

Но позже выяснилось, что спасители просто перепродают мертвые шапки на базаре, нисколько не заботясь о людях.

Это было настолько чудовищное разочарование, что Выпренский нескольких таких выловил и побил, не отказываясь ни от чего.

А когда приходила весна, и люди освобождались от мертвых шапок, Выпренский начинал мечтать, как было бы здорово завести заводик, который производит средства от моли, но только, чтобы средства эти были недейственные, чтобы люди их покупали, но моль не дохла, и все равно съедала эти мертвые шапки, а может быть и мертвые шубы, а как причем проверишь, что средство действенное, а никак, а может, это моль такая живучая, что мертвую шапку поела, но деньги-то уплочены и все в бухгалтерии похоронено, так что и претензий никаких не может быть.

А когда приходила зима, оказывалось, что мечты не сбылись, и опять эти мертвые шапки.

